

СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

И. М. Теняков

В статье рассмотрены системно-исторические типы экономического роста и особенности их проявления в России. Цель статьи заключается в построении системно-исторической типологии экономического роста. Для достижения цели решаются следующие задачи: выявление системно-исторических типов экономического роста, определение их параметров, сопоставление выявленных типов роста в историческом и страновом контекстах, конкретизация проявлений выделенных типов роста в российской экономике. Используется методология системно-исторического и компаративного анализа. Основные выводы статьи состоят в следующем. Во-первых, в развитии индустриальной экономики можно выделить три системно-исторических типа роста: раннеиндустриальный, зрелый индустриальный и позднеиндустриальный. При этом позднеиндустриальный рост может быть конкретизирован с выделением информационно-индустриального и неоиндустриального типов роста. Во-вторых, указанные типы роста могут быть охарактеризованы при помощи следующих показателей: технико-экономическая основа, качество факторов производства, характер неравенства в распределении доходов, степень устойчивости роста и др. В-третьих, сделан вывод о неравномерности распространения выявленных типов роста по странам в рассматриваемые временные периоды. Отмечено, что в экономике России за постсоветский период не сложился устойчивый информационно-индустриальный тип роста, а в настоящее время перед страной стоит задача ускоренного перехода к неоиндустриальному типу экономического роста для решения актуальных социально-экономических проблем развития национальной экономики.

Ключевые слова: экономический рост, системно-исторические типы роста, раннеиндустриальный рост, зрелый индустриальный рост, информационно-индустриальный рост, неоиндустриальный рост, неоиндустриальная парадигма, шумпетерианская теория роста

В экономической литературе типология экономического роста, как правило, сводится к выделению экстенсивного и интенсивного типов роста, а также их смешанных разновидностей (см., например, [3; 14; 25]). Однако такая классификация является слишком упрощенной и не учитывает все многообразие вариаций экономического роста — в теоретическом, историческом и страновом аспектах. Необходимо представить более широкую типологию экономического роста, учитывающую разные его аспекты в ходе исторического процесса.

Основным критерием стандартной типологии экономического роста является отношение

к факторам производства. Так, еще К. Маркс отмечал, что расширенное воспроизводство может осуществляться «экстенсивно, путем строительства новых фабрик в дополнение к старым, или интенсивно, путем увеличения масштаба производства на данном предприятии» [16, т. 24, с. 360–361]. Экстенсивный рост — это рост на основе количественного увеличения используемых факторов производства при неизменной технологии их соединения. При этом происходит общее увеличение валового внутреннего продукта (ВВП) страны, но ВВП на душу населения остается практически неизменным, как и производительность труда. Интенсивный рост — это рост на основе каче-

ственного совершенствования используемых факторов производства, что означает применение более совершенной технологии их соединения. Количество факторов производства может почти не увеличиваться — рост достигается за счет повышения производительности каждого фактора, а также многофакторной производительности. Для интенсивного роста характерны: «применение ресурсосберегающих технологий, переход к более эффективным производственным ресурсам, сокращение численности занятых при росте квалификационного уровня рабочей силы, опережение темпа прироста национального продукта по сравнению с динамикой физического объема факторов производства в стране» [25, с. 144–149]. Отметим, что при интенсивном росте происходит увеличение не только общего уровня ВВП, но и ВВП на душу населения. Данный критерий при разграничении экстенсивного и интенсивного типов роста также активно применяется исследователями (см., например, [14, с. 232]).

Экстенсивный и интенсивный типы экономического роста являются «чистыми», или «идеальными», типами. На практике встречаются смешанные типы роста с преобладанием экстенсивной или интенсивной составляющей. Соответственно, их можно определить как «преимущественно экстенсивный» или «преимущественно интенсивный» типы экономического роста [25, с. 155].

Выделение экстенсивного и интенсивного типов экономического роста носит достаточно абстрактный характер и не позволяет провести более точную идентификацию особенностей экономического роста на разных этапах социально-экономического развития. Интенсивный рост в начале XIX века существенно отличается от интенсивного роста в начале XXI в., поскольку качественно различен научно-технический прогресс в указанные эпохи: это механизация промышленности на основе парового двигателя в XIX в. и развертывание всеобщей автоматизации производства (а в перспективе и потребления) на основе электрификации и информатизации производственного комплекса национальной экономики в начале XXI в. Различен и характер экстенсивного роста: если в первом случае это действительно простое увеличение выпуска продукции при соответствующем пропорциональном увеличении затрат труда и капитала, то во втором случае даже простое распространение информатизации и автоматизации на все большее число производств, отраслей, видов деятельности экономики приводит к воз-

никновению синергетических эффектов, существенному снижению издержек производства и обращения, повышению производительности факторов производства, а также к положительным «сетевым экстерналиям» и существенной экономии на масштабе производства (подробнее см. [2, с. 228–230]). Экстенсивный рост, как он был определен выше, трансформируется в интенсивный рост даже при неизменной технологии за счет действия сетевых эффектов.

Экономический рост в исторической ретроспективе: критерии выделения системно-исторических типов роста

Построим более широкую типологию экономического роста, выделив основные типы роста по отношению к этапам технико-экономического развития. Базовым критерием выступает технико-экономическая основа экономической системы, характер и качество развития производительных сил. Дополнительными критериями являются: доминирующие технологические уклады, качество факторов производства, неравенство в распределении доходов, темпы и устойчивость роста и др. Выделенные по указанным критериям типы роста можно обозначить как системно-исторические, поскольку, с одной стороны, они характеризуются набором параметров, позволяющих выявить системное качество каждого типа роста, а с другой стороны, они реально представлены в экономической истории человечества как сменяющиеся друг друга этапы исторического процесса.

Следует отметить, что экономический рост в системно-историческом плане рассматривается начиная с периода становления индустриальной экономики, которой в целом (за исключением социалистического периода в истории России и ряда других стран в XX в., о котором будет сказано далее) соответствует социально-экономическая система капитализма. Разумеется, и в доиндустриальную эпоху имели место периоды расширения производства и повышения доходов населения (в том числе подушевых), однако они не носили устойчивый характер: как показывают исследования [35; 17; 21], *экономический рост как долгосрочная тенденция увеличения реального дохода, в том числе на душу населения*, характерен для индустриальной эпохи. Так, по оценкам Т. Пикетти, за период 1–1700 гг. мировое производство увеличивалось со среднегодовым темпом 0,1 %, также как и мировое население, в результате производство на душу населения не менялось. Для периода 1700–1820 гг.

среднегодовой темп роста мирового производства составил уже 0,5 %, из которых 0,4 % соответствовали среднегодовому темпу роста населения, и только 0,1 % приходилось на рост производства на душу населения [21, с. 88]. XIX век продемонстрировал ускорение мировой динамики производства как в абсолютном, так и в относительном (на душу населения) выражении: так, за период 1820–1913 гг., по оценкам Т. Пикетти, мировое производство на душу населения росло в среднем на 0,9 %. В XX в. этот темп вырос до 1,6 %. Однако показатели XX в. отличаются неоднородностью. По оценкам Т. Пикетти, если для периода 1913–1950 гг. характерны крайне низкие темпы роста мирового производства на душу населения (0,9 % в год), то для периода 1950–1970-х гг., напротив, темпы роста были максимальны за весь XX век, составив 2,8 % в год. Следующий подъем пришелся на период 1980–2012 гг., но и в этом случае темпы роста не достигали предыдущего максимума, составив только 2,1 % [21, с. 107].

Авторы концепции технологических парадигм (технологических укладов) [20; 6] также не рассматривают в своих работах доиндустриальную эпоху, привязывая начало классификации парадигм (укладов) к периоду становления капитализма в Англии, т. е. к концу XVIII в. Аналогичный подход имеет место и у У. Ростоу при выделении «стадий экономического роста» [39]. При этом исследователь делает акцент на модернизацию экономики, особо подчеркивая роль стадии «взлета» (*take-off*). Однако технико-экономическая основа «взлета» отходит на второй план: если в Англии указанная стадия, согласно Ростоу, приходилась на конец XVIII в. и соответствовала механизации производства на основе парового двигателя, то для таких стран, как Аргентина и Турция начало «взлета» приходится уже на 30-е гг. XX в., а для Китая и Индии — на 1950-е гг. [40, р. 31], что требует внедрения технологий 4-го уклада и, прежде всего, проведения всеобщей электрификации национальной экономики. Таким образом, формально одна и та же стадия «взлета» оказывается сопряжена с качественно различными этапами технико-экономического развития, что находит свое отражение и в особенностях «взлета» названных стран.

Безусловно, исторические исследования экономического роста необходимо проводить и для доиндустриальной эпохи, но в экономико-теоретическом плане мы можем ограничить рассматриваемый период, начиная анализ с эпохи становления классического капитализма.

Выделим три системно-исторических типа экономического роста: *раннеиндустриальный*, *зрелый индустриальный* и *позднеиндустриальный*. Последний тип роста, в свою очередь, может быть подразделен на *информационно-индустриальный* и *неоиндустриальный* типы. Далее раскроем специфику каждого типа роста подробно в привязке к основным критериям классификации.

Спецификация системно-исторических типов роста

Раннеиндустриальный тип роста соответствует первому этапу индустриализации, начавшейся в Англии в конце XVIII в. и затем распространившейся в Западной Европе, США и России. Технико-экономической основой этого типа роста является механизация экономики: становление системы машинного производства на основе парового двигателя, дополненное в дальнейшем развитием инфраструктуры (прежде всего, это развитие системы железных дорог, морских путей сообщения) и производства средств производства. Раннеиндустриальный тип роста соответствует первым двум технологическим укладам и в ведущих странах захватывает период с конца XVIII в. до 70-х гг. XIX вв. Так, согласно К. Перес, период господства технологических парадигм промышленной революции и эпохи пара и железных дорог в ведущих странах (прежде всего, в Великобритании) приходится на 1771–1875 гг. [20, с. 88]. Близкую датировку дает и С.Ю. Глазьев [6, с. 100–111].

Развитие механизации производства в указанную эпоху, тем не менее, требовало использования преимущественно низкоквалифицированной рабочей силы и могло быть удовлетворено за счет вовлечения все возрастающей массы труда в индустриальный сектор, включая детский и женский труд. Практически полная взаимозаменяемость работников, высочайший уровень конкуренции на рынке труда, отсутствие системы социальной защиты трудящихся в совокупности с институциональными факторами, стимулировавшими ускоренное перемещение больших масс людей из деревни в город (например, последствия «огораживаний» в Англии), — все эти факторы способствовали относительному снижению доходов наемных рабочих. В результате рост конечного продукта мог сопровождаться длительным периодом стагнации доходов рабочего класса и возникновением различных «социальных язв» капитализма, что, в частности, было отмечено К. Марксом в «Капитале» [16, т. 23].

Современные исследования подтверждают выводы К. Маркса. Как отмечает Т. Пикетти, с 1800 по 1860 гг. зарплаты рабочих не росли, оставаясь на неизменном уровне, а порой опускаясь даже ниже, чем в XVIII в. Зато росла доля капитала в национальном доходе. И лишь в период с 1870 по 1914 гг. произошла стабилизация неравенства, но на высоком уровне [21, с. 26].

Для раннеиндустриального типа экономического роста характерна неустойчивость темпов, поскольку экономическая динамика в указанный период была подвержена ярко выраженным колебаниям. В рассматриваемом случае зафиксировать долгосрочную тенденцию экономического роста, да еще в отсутствие достаточно разработанной системы показателей, отражающих результаты общественного производства, оказывается проблематичным. По этой причине теория экономического роста в XIX в. не сформировалась ни в классической политической экономии, господствовавшей в первой половине XIX в. в экономической мысли, ни в пришедшей ей на смену в ходе маржиналистской революции 1870-х гг. неоклассической теории. В лучшем случае экономисты рассматривали отдельные аспекты экономического роста — увеличение производства, рост доходов, роль факторов труда и капитала в создании и умножении «богатства народов», но требовалось время, чтобы долгосрочная и пока еще слабо выраженная тенденция положительной динамики среднедушевого дохода нашла свое теоретическое отражение. Зато первые теории экономических циклов и кризисов, отражавшие непосредственно наблюдаемую реальность XIX в., были предложены уже в работах классиков политической экономии.

Отметим также, что раннеиндустриальный тип роста характеризовался крайней неравномерностью распространения в мире. В то время как страны «ядра» капиталистической «мир-экономики» вступали в этап индустриализации и пожинали плоды раннеиндустриального роста, страны периферии оставались в значительной степени на доиндустриальном этапе развития. В дальнейшем, однако, ряд стран, чье технико-экономическое развитие шло с запозданием по отношению к ведущим странам, получали шанс «проскочить» или существенно сократить период развертывания раннеиндустриального типа экономического роста, проводя индустриализацию в XX в. уже не на основе угля и пара, а на основе электрификации народнохозяйственного комплекса, и таким образом переходя к следующему типу

экономического роста — зрелому индустриальному росту.

В итоге раннеиндустриальный тип экономического роста можно охарактеризовать как рост, основанный на механизации производства, использовании массовой дешевой неквалифицированной рабочей силы, сопровождающийся высокой поляризацией доходов между трудом и капиталом, крайне неустойчивый, подверженный сильным колебаниям и неравномерно распределенный во времени и пространстве.

Зрелый индустриальный тип экономического роста соответствует второму этапу индустриального развития: развитию машинного производства на основе широкомасштабной электрификации ведущих отраслей экономики и появления электрифицированной системы машин. В ходе зрелого индустриального роста изменяется не только сфера производства, но и сфера потребления. Она также переводится на промышленную электрифицированную основу (многоквартирные дома с системой центрального отопления, единой электрической сетью), что позволяет добиться качественного улучшения условий быта (появление таких товаров, как газовые и электрические плиты, холодильники, телевизоры, стиральные машины) и повысить качество жизни в отличие от этапа раннеиндустриального роста, во время которого бытовые условия жизни большинства населения оставались в значительной степени на уровне доиндустриальной эпохи.

Зрелый индустриальный тип роста возникает уже в ходе третьего технологического уклада (конец XIX — 30-е гг. XX в.), но достигает полного выражения в ходе четвертого уклада (30–70-е гг. XX в.). Данный тип роста требует нового качества как средств производства (электрифицированная система машин), так и рабочей силы. Массовый неквалифицированный труд уже недостаточен для приведения в действие сложной системы машин. Требуется более высокий уровень человеческого капитала работников по сравнению с тем, который обеспечивал раннеиндустриальный рост. Разумеется, неквалифицированный труд не исчезает полностью, но его доля сокращается. Требование всеобщей грамотности и обеспечения базового уровня образования и здравоохранения диктуется запросами зрелого индустриального роста. Эти требования невозможно обеспечить силами только «свободного рынка», поэтому объективно возрастает экономическая роль государства, которое из «ночного сторожа» превращается в актив-

ного участника экономического процесса: с одной стороны, обеспечивая достаточный уровень подготовки работников, с другой — регулируя экономическую активность в целях недопущения широкомасштабных кризисов при помощи кейнсианских мер стимулирования совокупного спроса и сглаживания социального неравенства. Соответственно, данный тип роста впервые приводит к повышению доходов не только собственников капитала, но и наемных работников. Формируется «общество двух третей», «государство всеобщего благосостояния», возникает «средний класс». Данная особенность индустриального роста сказалась на выводах некоторых ученых относительно дальнейших перспектив развития капиталистической экономики. Так, С. Кузнец считал, что неравенство в доходах спонтанно уменьшается на поздних стадиях развития капитализма вне зависимости от проводимой политики и особенностей страны и затем стабилизируется на приемлемом уровне. По расчетам Кузнеца, доля доходов самых богатых 5 % британцев последовательно снижалась с 46 % в 1880 г. до 43 % в 1910 г., 33 % в 1929 г. и до 24 % в 1947 г. Доля 85 % населения с наименьшими доходами составила 41–43 % в 1880–1913 гг. и повысилась до 55 % в 1947 г. В США доля доходов двух нижних квинтилей населения выросла с 13,5 % в 1929 г. до 18 % после Второй мировой войны, в то время как доля доходов верхней квинтили сократилась соответственно с 55 до 44 % [35]. Как отмечает Пикетти, если в 1910–1920-е гг. самые богатые 10 % американцев получали до 45–50 % национального дохода, то уже в конце 1940-х гг. их доля сократилась до 30–35 % [21, с. 31]. Данный вывод был обобщен с введением в научный оборот «кривой Кузнеца», отражающей изменение неравенства в распределении доходов в ходе экономического развития: рост неравенства на начальной стадии развития капитализма и его снижение на стадии зрелого капитализма. Однако «кривая Кузнеца» отражала опыт развития экономики на основе лишь двух типов экономического роста: раннеиндустриального с его высоким социальным неравенством и зрелого индустриального роста XX в., характеризовавшегося существенным снижением неравенства. Предсказания будущего снижения неравенства на основе «кривой Кузнеца» не оправдались, так как в 1970-е гг. экономика ведущих капиталистических стран начала переход к новому типу экономического роста, для которого стало характерно новое усиление неравенства.

Отметим, что зрелый индустриальный рост по-прежнему требует использования массовых ресурсов — как капитала, так и труда, и нацелен на производство стандартизированной продукции для массового потребления. Но качество этих массовых ресурсов уже на порядок выше, чем качество массовых ресурсов, соответствующих раннеиндустриальному типу роста. Важную роль в ходе зрелого индустриального роста начинает играть массовый человеческий капитал, создаваемый в ходе всеобщего образования. Работники более не являются абсолютно заменяемыми; для электрифицированной, достаточно сложной системы машин требуются работники с соответствующим уровнем подготовки и квалификации. Повышается роль «техноструктуры» в принятии управленческих решений, на что указывал в своих работах Дж. К. Гэлбрейт [8]. Если проводниками раннеиндустриального роста в организационно-институциональном плане преимущественно выступали фирмы, находившиеся в индивидуальной частной собственности или в форме партнерства, то зрелый индустриальный рост опирается на корпоративную частную собственность в форме акционерных обществ, где капитал-собственность и капитал-функция во многом разделены. Зрелый индустриальный тип роста наблюдался как в странах классического капитализма — Западной Европе, США, Японии, так и в странах, вставших на путь построения альтернативной социально-экономической системы, — России (СССР) и странах советского блока.

Переход от раннеиндустриального к зрелому индустриальному типу экономического роста в истории ведущих капиталистических стран сопровождался широкомасштабными кризисами, наиболее известным из которых стала Великая депрессия 1930-х гг. Система крупного электрифицированного производства требует для своего устойчивого развития государственного регулирования, и такое регулирование в той или иной форме было введено в практику после Великой депрессии. После этого зрелый индустриальный рост смог раскрыть свой потенциал в полную силу — и тридцатилетие роста после Второй мировой войны показало самые высокие темпы повышения национального дохода на душу населения, которые когда-либо наблюдались в истории ведущих капиталистических стран. Так, за период 1950–1973 гг. мировой ВВП увеличивался в среднем на 5 % в год, подушевой ВВП рос на 3 %, а мировая торговля — почти на 8 % [17, с. 469]. В отличие от неустойчивого раннеин-

дустриального роста зрелый индустриальный рост в своем наивысшем проявлении носил устойчивый характер, и подобный феномен не мог не найти свое теоретическое отражение.

В итоге возникновение теории экономического роста в экономической мысли приходится на эпоху зрелого индустриального роста, что подтверждает тезис о воздействии изменений в реальной экономической практике на ход развития экономической теории (см., в частности, [28]). Как было отмечено в [29], «практическая задача обеспечения сбалансированного роста отраслей народного хозяйства и повышения на этой основе национального дохода возникла в плановой экономике Советской России. В итоге, если в мировой экономической мысли тематика экономического роста стала активно разрабатываться в период после Второй мировой войны, то в Советской России первые модели роста появились еще в 1920–1930-е гг.» [29, с. 245]. При этом в мировой экономической мысли первые (кейнсианские) модели роста описывали в значительной степени еще раннеиндустриальный тип роста: отмечалась неустойчивость роста в рыночной экономике, возможность неполного использования труда (и как следствие — рост безработицы), не уделялось достаточно внимания научно-техническому прогрессу. В неоклассической модели роста, предложенной Р. Солоу, кейнсианские предпосылки были сняты, однако НТП по-прежнему оставался экзогенным фактором роста, не выводимым из модели. Как отмечает Р. Лукас, модель Солоу удачно объясняет фактические данные по США, изученные Э. Денисоном за период 1909–1957 гг., когда реальный выпуск в США рос со среднегодовым темпом в 2,9 %, занятость в человеко-часах в 1,3 %, а запас капитала в 2,4 % [15, с. 43]. Однако повышение необъяснимого из модели вклада «остатка Солоу» в динамику душевого дохода требовало разработки новой модели роста с эндогенным НТП. Одним из вариантов стала модель Р. Лукаса, в которой был сделан акцент на факторе накопления человеческого капитала [36]. Отметим также и разработку в 1930–1940-х гг. системы национальных счетов, благодаря которой стали возможны измерения долгосрочного роста национального дохода.

Таким образом, зрелый индустриальный тип экономического роста можно охарактеризовать как рост, основанный на системной электрификации производства (и в значительной степени — потребления), использовании массовой рабочей силы средней квалификации (с тенденцией к ее всеобщему повышению —

роль человеческого капитала усиливалась), сопровождающийся расширением государственного регулирования экономики и в совокупности приводящий к сокращению поляризации доходов между трудом и капиталом, возникновению «среднего класса», рост — устойчивый, со слабыми циклическими колебаниями и более равномерно распределенный во времени и пространстве по сравнению с раннеиндустриальным типом роста: модернизации в развивающихся странах Азии и Африки в середине XX в. были попытками перехода именно к зрелому индустриальному типу роста.

Позднеиндустриальный тип экономического роста начал формироваться в развитых странах с 1980-х гг. на основе достижений научно-технической революции 1960–1970-х гг. и становления экономики знаний и инноваций. Переход от зрелого индустриального к позднеиндустриальному росту сопровождался рядом кризисных явлений (нефтяные кризисы 1970-х гг.) и структурной перестройкой мировой экономики. Материально-технической основой позднеиндустриального роста стало распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и формирование 5-го технологического уклада с перспективой перехода к 6-му укладу. Следует отметить, что информатизация производительных сил является необходимым условием для их последующей автоматизации, которая находится еще только в начальной стадии развития. Позднеиндустриальный тип роста, таким образом, объединяет в себе два более частных типа роста, которые можно назвать *информационно-индустриальным* (на основе информатизации) и *неоиндустриальным* (основа — автоматизация) типами роста. Остановимся на их характеристике более подробно.

Информационно-индустриальный тип роста соответствует росту на основе 5-го уклада, в ходе которого происходит информатизация производительных сил. Повышение производительности труда в отраслях материального производства и насыщение базовых потребностей населения в ходе зрелого индустриального роста приводит к высвобождению значительной части рабочей силы, которая перенаправляется в сферу услуг. На смену производству стандартизированной продукции приходит диверсификация производства (в том числе умножение количества стилей, марок, фасонов и т. п. разновидностей продукции одного функционального назначения), что также сопровождается увеличением деятельности в сфере рекламы, маркетинга и послепродаж-

ного обслуживания. Согласно классификации «стадий роста» У. Ростоу, наступает стадия поиска качества жизни. Поскольку промышленному сектору не требуется прежнее большое количество работников, избыток рабочей силы направляется в сферу услуг. Это одна из отличительных особенностей индустриально-информационного типа роста: сфера услуг начинает лидировать и по темпам роста, и по доле в ВВП, доходя до 70–80 % в развитых странах. А сопутствующие институциональные изменения (окончательный отрыв доллара от привязки к золоту и становление системы свободно плавающих валют, что сняло последние ограничения на эмиссию денег со стороны ведущих центробанков, прежде всего, ФРС США) способствуют умножению количества разного рода услуг, которые теперь учитываются при определении ВВП. Мощный импульс к развитию получает сектор финансовых услуг, для которых жизненно необходимым оказывается всеобщее распространение ИКТ. Последние позволяют в режиме реального времени совершать многочисленные сделки с финансовыми активами из любой точки земного шара, не требуя какого-либо «материального» капитала. Финансовый сектор, вооруженный современными ИКТ, постепенно начинает доминировать над реальным сектором экономики, происходит «финансиализация» экономической деятельности, что отмечалось в ряде работ, в частности, в недавно вышедшей монографии В. Т. Рязанова [23].

Роль материального производства как бы отходит на второй план, что было отмечено в многочисленных исследованиях как формирование «постиндустриальной», «информационной» экономики, «интернет-экономики», «экономики знаний», общества «третьей волны» и т. п. (работы Д. Белла [4], Э. Тоффлера [30], В. Л. Иноземцева [19], О. Н. Антипиной [2], А. В. Бузгалина, А. И. Колганова [5] и др.). Однако назвать по аналогии данный тип роста «постиндустриальным ростом» все же некорректно. Как показало развитие экономик ведущих стран в начале XXI в., «постиндустриальная эйфория» оказалась преждевременной, роль индустрии в генерировании тенденций экономического роста не только не исчезла, но даже возросла, что дает повод характеризовать наступающий этап не как «постиндустриальный», а скорее как «неоиндустриальный». Подлинного становления «постиндустриальной экономики» — даже в ведущих странах — так и не произошло, потому представляется правомерным при характеристике данного

типа роста оперировать термином «информационно-индустриальный тип роста», подчеркивая тем самым особую роль ИКТ в его формировании.

Следует отметить крайне неравномерное распространение информационно-индустриального роста в мировой экономике. Данный тип роста проявился в 1980-х — начале 2000-х гг. в ведущих развитых странах, прежде всего, в США, а также странах Западной Европы, Японии. Однако по сравнению с периодом зрелого индустриального роста информационно-индустриальный рост в указанных странах продолжался около 15–20 лет и был прерван глобальным экономическим кризисом 2007–2009 гг., после которого восстановления прежних темпов роста в развитых странах так и не произошло.

На фоне распространения в развитых странах «постиндустриальных» тенденций, в крупнейших развивающихся странах (Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии) продолжалось развертывание зрелого индустриального типа роста, ориентированного на массовое производство и потребление. Дополнительным стимулом явились и процессы «оптимизации» издержек корпорациями развитых стран: перенос реального производства в развивающиеся страны с относительно дешевой и массовой рабочей силой. Развитые страны оставляли за собой, прежде всего, контроль за развитием базовых технологий и регулирование их распространения через систему патентов и лицензий. Таким образом, становление информационно-индустриального типа роста в развитых странах оказалось взаимосвязано с дальнейшим распространением зрелого индустриального типа роста в развивающихся странах.

Важнейшей особенностью информационно-индустриального типа роста (как и в целом позднеиндустриального роста) является переход к использованию качественной, высококвалифицированной рабочей силы и превращение науки в непосредственную производительную силу. При этом неизбежно возникает дифференциация существующей рабочей силы: большая часть работников вытесняется в сферу услуг, зачастую не требующих высокой квалификации и качественного человеческого капитала; меньшая часть работников (с качественным человеческим капиталом) переходит от непосредственного производства товаров к проектированию и управлению производством (сфера НИОКР, автоматизированное производство и т. п.). Массовый индустриальный квалифицированный работник уже не

требуется развитым странам, зато возрастает значение специфических компетенций и видов деятельности, не носящих массовый характер. Указанная дифференциация является одним из факторов, способствующих усилению неравенства в распределении доходов, которое наблюдалось на протяжении последних тридцати лет, что было отмечено, в частности, в отчете ОЭСР¹, а также рядом исследователей (см., например, [21]).

Помимо усиления неравенства доходов и дифференциации факторов производства становление информационно-индустриального типа роста сопровождалось крупнейшими геополитическими и геоэкономическими событиями: распад СССР и социалистического лагеря, возникновение группы «стран с переходной экономикой» из числа бывших социалистических стран, усиление процессов глобализации и формирование «однополярного мира» с претензией на ведущую роль со стороны США, ослабление государственного регулирования, характерного для этапа доминирования зрелого индустриального роста, и ускорение формирования транснационального капитала в форме ТНК и ТНБ, оптимизирующего издержки и прибыль на глобальном уровне. Однако мировой экономический кризис 2007–2009 гг. обнажил противоречия сложившейся системы мирового экономического развития. Гипертрофированное разбухание финансового сектора поставило под угрозу развитие реальной экономики, а сфера услуг в отрыве от материального производства оказалась недостаточна для поддержания устойчивого экономического роста. Насыщение экономик развитых стран технологиями 5-го уклада показало, что информатизация автоматически не приводит к формированию «постиндустриального общества». Таким образом, в рамках позднеиндустриального типа роста наметился сдвиг к его новому подтипу, который выше был определен как неоиндустриальный рост.

Сомнения в отношении «постиндустриального» характера будущего общества, возникшие среди ряда ученых, привели к формированию «неоиндустриальной парадигмы» исследований процессов развития современной экономики, которая получила теоретическое и методологическое обоснование, прежде всего, в работах С. С. Губанова. В работе [7] был обоснован тезис о двухфазном характере индустриализации. Если первая ее фаза заклю-

чается в электрификации производительных сил, то вторая фаза состоит в их всеобщей автоматизации. «Автоматизировать можно лишь такие и только такие средства производства, которые уже электрифицированы» [7, с. 17]. Автор также подверг критике тезис о «доминировании сектора услуг» в экономике развитых стран. Обращаясь к данным межотраслевых балансов, С. С. Губанов показал, что доля производства средств производства во всех странах «большой семерки» превышает 50 %, а роль сферы услуг искусственно преувеличивается, в том числе из-за особенностей статистической методологии учета видов деятельности и занятых в этих видах деятельности.

По вопросам неоиндустриализации развернулась широкая дискуссия — как в журнале «Экономист», так и в других научных журналах (см. публикации А. Амосова [1], Н. А. Душковой [9], В. Л. Иноземцева [10], В. М. Кулькова [11; 12], В. Г. Наймушина [18], Е. А. Поздняковой [22], В. Т. Рязанова [24; 23], Н. Н. Семеновской [26] и др.) Исследователи подтверждают тезис о том, что «индустрия» в развитых странах никуда не исчезает, поскольку при внимательном рассмотрении «оказывается, что в основе многих новых достижений лежали преимущественно изменения в самом индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что можно было бы считать качественно новым этапом индустриального общества» [12, с. 53].

Идея продолжения индустриализации развивается и западными исследователями — в форме «третьей промышленной революции» [37] и тем более «четвертой промышленной революции» [31]. Так, характеризуя этапы развития индустриальной экономики, К. Шваб выделяет четыре промышленные революции: первая (1760–1840-е гг.), пусковым механизмом которой стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя; вторая (конец XIX — начало XX в.), обусловившая расширение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера; третья (началась в 1960-х гг.), сопровождавшаяся распространением цифровых технологий, и четвертая, которая началась на рубеже XXI в. «Ее основные черты — это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [31, с. 16].

Отметим, что первая и вторая промышленные революции, выделенные К. Швабом, корреспондируют с выделенными нами двумя ти-

¹ The productivity-inclusiveness nexus. OECD. Paris, 1–2 June 2016. <http://www.oecd.org>.

Таблица

Системно-исторические типы экономического роста

Критерий	Типы роста			
	Раннеиндустриальный	Зрелый индустриальный	Позднеиндустриальный	Неоиндустриальный
Технико-экономическая основа	Механизация	Электрификация	Информатизация	Автоматизация
Соответствующие технологические уклады	Первый и второй	Третий и четвертый	Пятый	Шестой
Результат промышленной революции	Первой	Второй	Третьей	Четвертой
Преобладающее качество труда	Неквалифицированный массовый, отдельные представители высококвалифицированного труда	Среднеквалифицированный массовый с постепенным движением к высококвалифицированному труду	Поляризация труда: высококвалифицированный (наука, НИОКР) и низкоквалифицированный (массовые услуги)	Высококвалифицированный, автоматизация низкоквалифицированного труда
Характер человеческого капитала (ЧК)	Единичный	Массовый (всеобщее начальное и среднее образование)	Рост специфического ЧК при сохранении массового (всеобщее начальное и среднее образование)	Специфический ЧК (обучение в течение всей жизни)
Поляризация доходов населения	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая (при устранении неквалифицированного труда)
Устойчивость роста	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Роль государства в стимулировании роста	Государство — «ночной сторож»	Активный регулятор экономики и промышленности	Акцент на «политике правил», создании условий для роста	Усиление государственного регулирования, новая промышленная политика
Соответствие моделям экономического роста в экономической теории	Кейнсианские модели (Р. Харрод, Е. Домар)	Неоклассическая модель (модель Р. Солоу и ее производные)	Модели эндогенного роста с акцентом на человеческий капитал (Р. Лукас)	Шумпетерианские модели роста (П. Ромер, П. Агйон, П. Хоуйтт)
Хронологический этап в наиболее развитых странах	Конец XVIII — XIX вв. (Англия, Франция, позднее — Германия, США)	1920 — 1970-е гг. (пик — 1950 — 1970) — США, СССР, Япония. В настоящее время — Китай, Индия	1980-е — середина 2000-х (США, Западная Европа)	С середины 2010-х гг. (США, Западная Европа, возможно формирование евразийского центра роста)

Источник: разработано автором.

пами роста — раннеиндустриальным и зрелым индустриальным. Третья и четвертая промышленные революции дифференцированы не так четко и в значительной степени перетекают друг в друга. По этой причине правомерно объединить информационно-индустриальный тип роста (соответствующий третьей промышленной революции) и неоиндустриальный тип роста (которому в большей степени соответствует четвертая промышленная революция) в рамках более общего — позднеиндустриального типа роста.

Что касается характеристик собственно неоиндустриального типа роста, то они остаются все еще достаточно противоречивыми, поскольку данный тип роста только начинает свое становление. Его основу, исходя из логики развития производительных сил, будет составлять полностью автоматизированное производство (а в перспективе — и потребление). Соответственно, снова меняются требования к факторам производства. Повышаются требования к квалификации и качеству труда — работник превращается в управляющего системой машин. Многие профессии, не требующие высокой квалификации, отмирают, поскольку соответствующие виды деятельности могут выполняться автоматикой. Это, с одной стороны, обостряет проблему распределения доходов, так как поляризация доходов между низкоквалифицированными и высококвалифицированными работниками усиливается. С другой стороны, при отмирании низко- и даже среднеквалифицированного труда исчезает и основа для поляризации доходов. Возникает возможность возродить средний класс, значительно «размытый» в эпоху доминирования информационно-индустриального типа роста, на новой, неоиндустриальной основе. Неоиндустриальный тип роста несовместим с разгулом «финансомики» и требует подчинения финансового сектора интересам реального производства (как это было в ходе и раннего, и зрелого индустриального роста), возврата к приоритету реального производства над оказанием финансово-посреднических услуг. Отметим, что в развитых странах переход к неоиндустриальному типу роста сопровождается процессом реиндустриализации — возвращением ранее выведенных в развивающиеся страны производств, но уже на неоиндустриальной технологической основе. Для России же неоиндустриальный рост связан с решением проблемы деиндустриализации экономики, имевшей место в ходе рыночных преобразований в 1990-е гг. и не решенной в

ходе восстановительного роста экономики в 2000-е гг.

Специфика позднеиндустриального типа экономического роста не могла не найти свое отражение в теории экономического роста. Выше уже отмечалось, что даже модель Солоу не совсем точно подходила для описания зрелого индустриального роста, поскольку оставляла необъясненным действие фактора НТП. В 1980-е гг. стала формироваться эндогенная теория роста, главным вопросом которой стало включение фактора НТП в модели роста и объяснение его формирования. Если в модели Р. Лукаса делался акцент на человеческом капитале (значение которого для позднеиндустриального типа роста еще больше возросло), то в моделях, берущих свое начало от работы П. Ромера [38], был сделан акцент на механизме возникновения инноваций в ходе экономической деятельности фирм. Данное направление теории роста получило название «шумпетерианская теория роста», поскольку восприняло идею, высказанную Й. Шумпетером в начале XX в. об инновациях как процессе «созидательного разрушения». В настоящее время шумпетерианская теория роста активно развивается и, что важно, позволяет связать инновационную деятельность фирм на микроуровне и ее последствия в форме современного экономического роста на макроуровне (см. [32; 33; 34]).

Подводя итоги, сведем краткие характеристики четырех рассмотренных типов экономического роста в таблицу.

Особенности становления системно-исторических типов роста в России

В заключение остановимся на некоторых особенностях становления выделенных типов роста в экономике России.

Россия позже стран Западной Европы вступила в этап индустриализации, а долгосрочный раннеиндустриальный тип роста в ней так и не сложился. После кризисных событий 1920-х гг. (Первая мировая война, революции и Гражданская война) и восстановительного роста периода НЭПа руководством страны было принято решение проводить политику ускоренной индустриализации, что соответствовало по мировым меркам становлению зрелого индустриального типа роста. Данный тип роста требует достаточно образованной и квалифицированной рабочей силы — поэтому важнейшей задачей советской власти наряду с электрификацией страны стала ликвидация неграмотности, что привело к формированию массового человеческого капитала и обеспе-

чило необходимые предпосылки для зрелого индустриального роста.

Зрелый индустриальный рост в СССР показал свою результативность в 1930-е гг., а также в период после Великой Отечественной войны. Советская экономика просуществовала на основе зрелого индустриального типа экономического роста до середины 1980-х гг., когда обострились структурные противоречия плановой экономики и произошло исчерпание потенциала данного типа роста. Структурный кризис советской экономики отличался от структурного кризиса экономик развитых стран в 1970-е — начале 1980-х гг., поскольку был отягощен сложившейся неповоротливой системой планового управления экономикой, тормозившей необходимые структурные реформы и усугублявшей структурные противоречия индустриального роста (например, все большее утяжеление и материалоемкость экономики, преобладание производства средств производства над производством предметов потребления, усиление сырьевой специализации в мировом хозяйстве вследствие активной разработки месторождений нефти и газа Западной Сибири и поставок сырья на мировой рынок в обмен на потребительские товары). Отдельные производства, формировавшие заделы для перехода к 5-му технологическому укладу и информационно-индустриальному росту, не уступавшие (а порой и превосходившие) аналогичные производства в развитых странах, в рамках поздней плановой экономики не смогли стать локомотивами роста. В процессе перехода «к рынку» в 1990-е гг. произошли: откат назад в технологическом плане, широкая деиндустриализация экономики, гибель ряда ростков постиндустриальной экономики или их вывоз на Запад, прежде всего, в форме утечки мозгов (см. [13]). Как отмечает О.С. Сухарев, «в компоненту «деиндустриализация» включаются упрощение продукта, примитивизация технологий и дезорганизация (фрагментация в авторском понимании) производств» [27, с. 7].

Рост экономики России в 2000-е гг. носил восстановительный характер (после трансформационного кризиса) и не опирался на соб-

ственные, внутренние источники производительных сил. По ряду параметров (в частности, по темпам роста сферы услуг, в том числе информационно-коммуникационных и финансовых) этот рост может показаться информационно-индустриальным, однако «постиндустриальные» его элементы также не опирались на собственную научно-техническую базу, а являлись импортируемыми извне. Данный рост носил конъюнктурный характер и был прерван кризисом 2009 г. Посткризисное восстановление экономики и последующий вялый рост с переходом в новую стагнацию продемонстрировали неустойчивость модели роста, основанной на факторах внешней конъюнктуры и последующего мультипликативного расширения внутреннего спроса. В настоящее время перед страной, как и в 1930-е гг., стоит задача ускоренного перехода к новому (теперь уже — неоиндустриальному) типу роста, что требует скорейшего завершения информатизации экономики. Историческое время для постепенного, эволюционного развития на основе информационно-индустриального роста с плавным переходом к неоиндустриальному росту было безвозвратно упущено в результате геополитических и экономических пертурбаций 1990–2000-х гг., поэтому, как и в 1930-е гг., требуется ускоренная модернизация страны — переход к неоиндустриальному типу роста, который только и способен обеспечить адекватную экономическую основу геополитической роли России в современном мире. В противном случае разрыв между позиционированием России на мировой арене в качестве ведущей державы и шатким экономическим базисом будет усиливаться, что в перспективе означает новый откат России от ведущих позиций в современном мире, скатывание до уровня второразрядной страны, усиление внутренней нестабильности и неустойчивости единого экономического пространства страны. Напротив, своевременное принятие стратегии «новой индустриализации» позволит обеспечить устойчивый базис для экономического развития страны, повышения уровня и качества жизни населения.

Список источников

1. Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // Экономист. — 2009. — № 6.
2. Антипина О. Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. — М., ТЕИС, 2009.
3. Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. — М., 1973.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999.
5. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2-х т. — Изд. 3-е. — М.: Ленанд, 2015.

6. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВладДар, 1993.
7. Губанов С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. — 2008. — № 9.
8. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. — М.: Эксмо, 2008.
9. Душкова Н. А. К дискуссии по вопросу об обществе будущего: постиндустриальном или неоиндустриальном // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2013. — № 4. — Т. 9.
10. Иноземцев В. Будущее России — в новой индустриализации // Экономист. — 2010. — № 11.
11. Кульков В. М. О позиционировании новой индустриализации // Экономист. — 2014. — № 10.
12. Кульков В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 3.
13. Кульков В., Теняков И. К вопросу о координатах инновационных сопоставлений // Экономист. — 2013. — № 9.
14. Лахман В. Экономика народного хозяйства. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
15. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту: пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., Госполитиздат, 1961.
17. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории: пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
18. Наймушин В. Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — № 2.
19. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999.
20. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания: пер. с англ. Ф. В. Маевского. — М.: Дело АНХ, 2011.
21. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М., Ад Маргинем Пресс, 2015.
22. Позднякова Е. А. Неоиндустриализация как новый этап экономического развития // Журнал экономической теории. — 2013. — № 1.
23. Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. — М.: Экономика, 2016.
24. Рязанов В. Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 4.
25. Салийчук В. Ф. Экономический рост: теоретические аспекты. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
26. Семенова Н. Н. Неоиндустриальная модернизация как закономерный этап общественного развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 31.
27. Сухарев О. С. Экономическая стратегия индустриализации: анализ, эмпирика, рекомендации // Экономический анализ: теория и практика. — 2015. — № 25.
28. Татаркин А. И., Мальцев Ал. А. Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3.
29. Теняков И. М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3.
30. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004.
31. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. — М.: Издательство «Э», 2017.
32. Aghion P, Howitt P. A model of growth through creative destruction // *Econometrica*. — 1992. — No. 60.
33. Aghion P, Howitt P. Endogenous growth theory. MIT Press, 1988.
34. Aghion P, Akcigit U, Howitt P. What do we learn from Schumpeterian Growth Theory? // NBER Working Paper 18824. — Cambridge, February 2013.
35. Kuznets S. Economic growth and income inequality // *The American Economic Review*. — March, 1955. — Vol. XLV. — No 1.
36. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22(1).
37. Rifkin J. The Third Industrial Revolution. — Palgrave Macmillan, 2011.
38. Romer P. Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. — 1990. — Vol. 98(5).
39. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto. — Cambridge: Univ. press, 1960.
40. Rostow W. W. The Take-Off into Self-Sustained Growth // *The Economic Journal*. — Mar. 1956. — Vol. 66. — No. 261.